

АКАДЕМИЯ УЖАСА

18+

ЭДЕМВИЛЬ

СЭМ
РЕБЕЛЕЙН

ЧТО, ЕСЛИ ИСТОРИИ
ПРИХОДЯТ
НЕ ИЗ ВООБРАЖЕНИЯ?

FANZON

Сэм Ребелейн Эдемвиль

Серия «Fanzon. Академия ужаса. Мастера зарубежного хоррора»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74502301
Эдемвиль / Сэм Ребелейн ; [перевод с английского Н. Холмогоровой]. :
Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-254275-6*

Аннотация

Хоррор в мире университетской элиты: маленький город, колледж, большие тайны и истории, которые начинают воплощаться в реальности!

После выхода дебютного романа «Человек-из-крови», получившего прохладные отзывы и показавшего скромные продажи, Кэмпбелл П. Мэрион отчаянно пытается найти идею для новой книги. Поэтому приглашение занять должность писателя-резидента в колледже Эдемвиля кажется ему долгожданным шансом изменить свою судьбу.

Его девушка Квин настроена куда менее оптимистично. Она выросла неподалеку от Эдемвиля и прекрасно знает, что есть причины покинуть это место как можно быстрее. Но Кэм

игнорирует ее опасения и принимает предложение, а Квин неохотно отправляется вслед за ним.

Однако с Эдемвилем что-то не так. За фасадом уютного городка, где по Главной улице прогуливаются приветливые старушки, а вдоль тротуаров цветут подсолнухи, скрывается нечто зловещее. И когда череда странных и пугающих событий начинает набирать обороты, Кэм и Квин оказываются втянуты в темную историю, уходящую корнями далеко в прошлое.

Сочетая ужас и юмор, «Эдемвиль» исследует городские легенды, питающие наши кошмары, и показывает, как амбиции способны затмить самые благие намерения.

«О кампусах написано немало романов ужасов, но за "Эдемвиль" хочется поставить высший балл "AAAAAAAAAAAA!". Сэму Ребелейну впору вручать магистерскую степень по части страха. Перед нами крупный новый талант!» – Р. Л. Стайн

«Чистейшее космическое безумие. Представьте, что Хантер С. Томпсон написал "Хребты Безумия", или Джон Уотерс экранизировал Клайва Баркера. Этот роман – прошу прощения, этот роман, от которого падает челюсть, – по праву занимает место рядом с такими современными классиками, как "Библиотека на Обугленной горе" и "Книга несчастных случаев". Ничего похожего вы не читали. Во всяком случае, не в нашей вселенной». – Клей Маклауд Чепмен

«Головокружительное путешествие, которое проникает в самое сердце вашего сознания и не отпускает до последней

страницы. В этой книге есть и красота, и мерзость, а главное – она приносит огромное удовольствие». – Кристи ДеМистер

«Никто не пишет о жутком и необъяснимом так, как Сэм Ребелейн. Это захватывающая, телесно ощутимая и тревожная метапроза, которая заманивает читателя во тьму, а затем постепенно открывает ему ужасы, всегда скрывавшиеся рядом. Это Чак Паланик, Клайв Баркер и Стивен Грэм Джонс в одном лице – смешно, трагично и совершенно оригинально». – Ричард Томас

«Настоящий триумф хоррора. Зловещая атмосфера и нарастающее напряжение не позволят оторваться от книги, а яркие персонажи и кошмарные образы будут преследовать вас до самой последней страницы. Поклонникам Клайва Баркера и Стивена Кинга пропускать нельзя». – Тим Вагонер

«Роман заново изобретает страшную историю о маленьком городке, превращая ее в лавину комедии, ужаса и гротеска. Великолепное развлечение, от которого стынет кровь». – Стефани Фелдман

«"Эдемвиль" великолепен. "Эдемвиль" уморительно смешон. Его обитатели настолько же обаятельны, насколько отвратительны. Это захватывающий роман ужасов с блестящими персонажами и потрясающе созданным миром». – Крис Панатье

«Восхитительно липкая смесь готического, космического, фолк– и телесного хоррора, взбитая острой критикой академической среды». – Люси А. Снайдер

«Повседневные ужасы провинциальной жизни и академической среды сталкиваются в "Эдемвиле" с чистым космическим безумием. Со времен "В финале Джон умрет" Джейсона Паргина ни одна книга не вызывала у меня одновременно столько ужаса, отвращения и восторженного "какого черта?!" при переворачивании страниц. Чем меньше вы знаете об этой книге заранее, тем лучше». – Тодд Кайслинг

«Каждая страница романа пульсирует неудержимой энергией нового таланта. Автор обладает мастерством признанного мэтра, а его дебютный роман поражает воображение». – Эрик ЛаРокка

«"Эдемвиль" – впечатляющий дебют, который сразу заявляет о Сэме Ребелейне как о заметном новом имени в жанре хоррора... Обязательное чтение для поклонников ужасов, особенно для читателей Грейди Хендрикса и Пола Тремблея. – Booklist

«Дебют автора – совершенно особенный зверь: дикий, лохматый, часто непредсказуемый и временами откровенно безумный... Надеюсь, мне еще доведется вернуться в округ Ренфилд, и желательно поскорее». – Literary Hub

«Безумное путешествие от первой до последней страницы с щедрой порцией юмора». – CrimeReads

Содержание

Увертюра	9
Жевуны	9
Акт первый	27
Глава первая	29
Глава вторая	46
Глава третья	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сэм Ребелейн

Эдемвиль

Всем потрясающим преподавателям, учившим меня родному языку:

Дэну Джонсу, Сью Пэриз (она истинный ангел!), мисс Руссин, мистеру Теллу, Трейси, Кевину Лэнгу, Кристин Джексон, Дарси Сои, Дэн-зе-мэну Питту (!!), Эрику Бюргеру, Полу Расселу, Джин Кейн, Марку Амодио (научившему меня привязанности), Дэвиду Минсу, Дону Фостеру, Дэвиду Толли, Тайрону Симпсону, Венди Грэхем, Майклу, Шерри (!!!), Джону (принявшему Ренфилд в самой ранней его форме) и, конечно же, настоящему герою – Дарре Клауду.

Спасибо вам всем, что помогли мне попасть в Эдемвиль.

Ни один из вас не был монстром.

Аффирмации помогают достичь чувства безопасности и надежды. Говорите себе: я – проводник творческой энергии Бога. Мой труд несет благо.

*Джулия Кэмерон.
Путь художника*

*Никому в этой поганой школе верить нельзя.
Холден Колфилд,
главный герой романа Дж. Д. Сэлинджера «Над*

Серия «Академия ужаса. Мастера зарубежного хоррора»

Sam Rebelein

EDENVILLE

Copyright © 2023 by Samuel Rebelein

All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency
and Synopsis Literary Agency

Перевод *Н. Холмогоровой*

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Увертюра

Жевуны

Ему приснился чердак. Разумеется, это был не вполне сон. Но в то время Кэм этого еще не знал.

Чердак с шатровой крышей, уходящей вверх, как будто Кэм оказался внутри треугольной деревянной призмы. Ребра треугольника расходятся из точки в потолке, одно по стене до самой лестницы, другое до маленького квадратного оконца. Интересно, подумалось Кэму, как выглядит снаружи этот дом – с такой острой крышей, что о нее можно порезаться?

Чердак не отделан: дерево неошкуренное и некрашеное, щелястое, занозистое. Отовсюду торчат острые концы гвоздей. Все помещение похоже на какое-то орудие пытки. Посредине – выцветший розовый диванчик с деревянными ножками в виде человеческих ног. Никакой другой мебели нет.

Кэм сидел на диване, прямо по центру. Не мог пошевелиться. Даже моргнуть. Напротив, примерно в футах от пола, на покато́й деревянной стене было что-то нацарапано. Кэм сумел прищуриться – и разглядел, что это. Человечек. Прimitивная фигура, «палка-палка-огуречик», начерченная гу-

стыми, жирными мазками желтого мела. Две палки – ноги, две изогнутые линии – руки. Вместо головы – буйная масса волос, торчащих в разные стороны. Здесь неведомый художник скреб мелом по дереву с такой яростью, что тот раскрошился и оставил на досках пятна. В середине этой буйной поросли виднелись глаза – две толстые косые черты, две глубокие прорези в дереве.

Смотреть в глаза было больно. Словно глядишь на солнце.

Кэм попытался открыть рот, что-то сказать – и, когда это удалось, фигура на стене открылась ему навстречу. Желтые меловые линии расплылись, из них, словно пот из пор, начало сочиться что-то красное. С волос и из глаз человечка капало темно-багровым; влага растекалась по полу ручейками, будто нитями паутины, пульсируя, расплзалась во всех направлениях. Следом из щелей меж досками показались пальцы. Десятки серых пальцев с черными ногтями, ищущие дорогу сквозь дерево с той стороны. Желтые глаза, сморщенные губы. Пальцы цеплялись за доски с нарисованной человеческой фигурой, старались их расшатать и выломать.

Кэм знал: это идут жевуны.

– Не надо! – сумел выговорить он. Звуки вытекали из рта густой патокой. – Нннне нннна-а-а-до-о-о-о...

Но его слова утонули в чужом голосе, обладателя которого он не видел. И этот голос, подобный грому, декламировал... детский стишок.

Дурацкий стишок, который Кэм запомнил слово в слово

на всю оставшуюся жизнь.

*Человек-из-Крови
Смотрит со стены,
Космы желтым мелом
Намалеваны.
Кто Его увидит,
Тот, считай, пропал:
Ведь тебя Он тоже
У-
Ви-
Дал.*

На последнем слове с громким треском вылетела доска. Десятки серых пальцев утащили ее во тьму за стеной. А потом в наш мир начали просачиваться жевуны.

Если когда-то они и были людьми, это осталось в прошлом. Сейчас они выглядели как люди, из которых кто-то вытащил все кости, а плоть расплавил на огне. Плечи оплыли и сползли к бокам. Руки торчали из животов, ноги текли прямо из ребер. Головы понуро болтались на груди. Оплыли и лица; мягкие восковые губы хлопали, словно у рыб на крючке, хватая воздух. Одежда – самая простая, футболки и джинсы, – тоже вся изгваздана и перекошена. Из теплой глины черепов торчат бурые кустики волос. Жевуны – неудачный проект, забытый в какой-то космической лаборатории, – выбирались поодиночке из кровоточащей дыры в

стене и, будто делящиеся клетки, распространялись по чердаку. Хлюпали, чмокали, покачивались на нетвердых ногах. Какая-то неудачная помесь человека с пиявкой – или, быть может, с игрушечной резиновой змейкой, каких продают в «Рейнфорест-кафе».

Те, кого Бог не долепил и бросил.

– Не надо! – простонал Кэм, на этот раз с большим усилием. Словно кричал через слой грязи.

Все больше жевунов выбиралось наружу. Бурча и сопя что-то нечленораздельное, шатались по чердаку. Бесцельно – пока их взгляды не наткнулись на Кэма.

Первый жевун подобрался к дивану, обогнув его сбоку. Руки бессильно болтались: одна закрутилась вперед, другая вывернулась за спину. Он открыл рот, смерил Кэма с ног до головы взглядом глаз-бусин (один глаз вывалился из орбиты и сполз на щеку). Кэм чувствовал: этот взгляд змеей ползет по его рукам и ногам, вверх и вниз. Пробует на вкус. Жевун зачмокал, зачвякал серыми резиновыми губами. Покачнулся из стороны в сторону.

И упал на него.

Присосался губами к шее Кэма сбоку, там, где хватает и мяса и жил. И принялся жевать. Точнее, мусолить деснами – зубов у него не было. Медленно, очень медленно в него въедался. В этот миг Кэм понял, что губы у жевунов вовсе не вялые, не восковые. Под серой кожей есть мышцы. Сильные мышцы. Это будет не быстро; но нет сомнений, рано или

поздно жевун замусолит его до смерти. Пара-тройка мучительно медленных, все более и более болезненных часов – и Кэм погибнет от рук этого беззубого кровопийцы.

Еще один плюхнулся на пол рядом с Кэмом и приник к его лодыжке. Застонал от удовольствия, выкатил глаза в разные стороны и принялся обсасывать ногу над выступающей косточкой.

Третий рухнул Кэму на плечо, прильнул губами к внутренней стороне локтя. Беззубые десны сжимали, давили, отпускали. Кэм чувствовал, как его облизывают теплыми мокрыми языками. Какие же у них сильные челюсти! А он не мог пошевелиться. Не мог их стряхнуть.

Новый жевун споткнулся об того, что лежал на полу, упал Кэму на колени и с громким, словно в мультике, «ам!» вгрызся ему в бедро. Еще один, перегнувшись из-за спинки дивана, задрал на Кэме футболку и впился в пупок. Заработали беззубые десны: сжимают – отпускают, сдавливают – сосут – отпускают. Добираются до потрохов.

Еще один упал на босые ноги Кэма.

Еще один заглотнул целиком руку, стиснул так, что закрипели костяшки, сдавил...

Наконец один из них подобрался сзади. Кэм услышал, как он открывает пасть в мощном мокром зевке. На волосы закапала слюна.

– Не на-а-а-адо! – вновь простонал Кэм.

Но жевун не послушался. Разумеется, с чего бы?

Он со свистом втянул волосы Кэма себе в глотку, впился деснами ему в череп и принялся сосать. Несколько волосков оторвались и улетели, всосанные этой огромной пастью-пылесосом.

– Не надо!

Пасть скользнула ниже. Так змея заглатывает добычу целиком.

– Не на-а-адо!

Пасть опускалась все ниже. Резиновые губы зашлепали по глазам Кэма. Десны впелись в глазницы и начали давить, давить. Все померкло.

– Не на-а-а-а-адо!

Пасть скользнула ниже, вдавила нос в череп. Затрещал затылок, хрустнуло ухо. А внизу все больше и больше жевунов наваливалось на него, все больше и больше мокрых губ впи-валось в тело.

– Не на-а-а-а-а-а-адо! – завопил Кэм, всасывая воздух сквозь зубы.

Он открыл рот, чтобы сделать вдох, – и тут тварь заглотнула его до подбородка, оборвав и вдох, и крик. Язык жевуна кляпом заткнул ему рот. Пасть поползла дальше; теперь все лицо Кэма покрыла теплая, мокрая, душащая плоть. Тварь пожирала его, но и он пробовал ее на вкус и ощущал горечь ее слюны.

Пасть с треском распахнулась еще шире, примериваясь к его плечам.

Из груди Кэма вырвалось отчаянное:

– НЕ НННА-А-А-А-АДО!

И он проснулся.

Распахнул глаза, сел в кровати. Где-то внизу дребезжали стекла: это проезжал поезд по линии R. С улицы лился мягкий оранжевый свет фонарей. Рядом тихо посапывала Квин.

Живой. Это просто сон.

– Е-мое! – пробормотал Кэм. Прерывисто вздохнул, потер глаза. Голову окатило болью. Кэм заскрипел зубами, тихо выругался в полутьме. Проморгался как следует. Что это у него в глазах? Он не плакал – это что-то другое... Клейкое? Поднес ладонь к лицу, развел пальцы. По ним неторопливо стекала густая липкая влага, холодная как лед.

Что за на хрен?

Он снова заморгал... и в этот миг в мозгу у него вспыхнуло стихотворение.

Кэм нашарил на тумбочке телефон и записал все, что запомнил, хотя глаза у него горели и чесались, экран расплылся, а пальцы липли к клавиатуре.

Ему казалось, если не запишет – умрет.

Человек-из-Крови

Смотрит со стены,

Космы желтым мелом

Намалеваны.

Кто Его увидит,

Тот, считай, пропал:

Ведь тебя Он тоже

У-

Ви-

Дал.

– Малафья в глазах? – переспросила Квин. Она чистила зубы в ванной, не закрывая дверь в спальню. – Фу! С чего ты вообще такое взял?

Кэм, еще в постели, налитыми кровью глазами смотрел в потолок.

– Ну, это не сопли. Они... липкие такие. И беловатые.

– Ты их сохранил?

– Что? Нет, конечно.

Квин, с зубной щеткой во рту, что-то неразборчиво про-
бормотала.

– Вот моя гипотеза, – заговорил Кэм тем фирменным «магистерским» тоном, который когда-то умилял Квин, но уже давно начал раздражать. – Должно быть, мне приснился не просто кошмар, а кошмар вместе с «мокрым сном». Такое случается, верно? Можно ведь так перепугаться, что намочишь постель? Можно. Ну и вот, я так перепугался, что случилась поллюция, сперма полетела прямо вверх и попала в глаза. – И он хрустнул пальцами, довольный собой. – Вот так меткость!

– Ха, это вряд ли! – Квин сплюнула пасту в раковину и добавила: – И потом, тогда ты должен был намочить трусы. Трусы мокрые?

– Хм... и правда сухие. – Кэм задумался, пощипывая себя за бороду, пока Квин орошала подмышки дезодорантом.

– Может, с третьего этажа накапало? – сказал он наконец. – Протекло там что-нибудь.

Квин подняла глаза к потолку.

– Ничего не видно. Попробуй погуглить.

– А толку? Гугл скажет, что у меня рак или что-нибудь в этом роде.

– А ты думаешь, нет рака?

– Ну, надеюсь, что нет.

– Что ж, тогда остается только одно... – Квин склонила голову набок и немного подождала, словно Кэм должен был угадать ответ.

Секунду спустя он поднял руки:

– Все-таки рак?

– Ох, Кэм! По-моему, прекрасный повод применить наше правило.

– Какое правило?

– *Наше!* Если в квартире происходит что-то стремное...

Кэм застонал и завел глаза к потолку. Глаза защипало еще сильнее, и ему пришлось зажмуриться.

– Да, конечно. Звоним хозяину.

Квин кивнула, орудуя в ухе ватной палочкой.

– Потому что Диего сказал, что в доме могут быть привидения. И мы сразу решили: если случится что-то необъяснимое, не будем страдать фигней. Не будем говорить: а, на-

верное, это ветер. Или: здание-то старое, могут быть протечки... Нетушки! Раз уж встал вопрос, призрак это или нет, – значит, призрак и ничто другое. Мы с тобой столько ужасиков пересмотрели, что никогда не попадемся на эту удочку!

Что верно, то верно. Оба ничего так не любили, как, заказав индийскую еду из ресторанчика по соседству, провести вечер за просмотром трэш-ужастика. Кэм уверял, что в фильмах черпает вдохновение. Однако как-то раз оставил ноутбук на столе открытым, и Квин, заглянув туда (а вы бы не заглянули?), обнаружила, что за последние несколько месяцев он не написал ни строчки. Зато в «Скайрим» играет каждый день. Так вот чем он занимается, пока она сидит в одиночестве на крыше, смолит сигареты и смотрит, как в темной ночи несутся по мостам Манхэттена огни автомобилей.

– Не понял, – сказал Кэм, – при чем здесь правило Диэго. Думаешь, ночью к нашей кровати подвалил призрак и спустил мне в глаза?

Она села на край постели и начала зашнуровывать ботинки.

– Кто знает. Может, ты одержим. А может, эта штука вытекла у тебя из глаз? Мозговой оргазм! – Она выпрямилась, стукнула себя кулаком по колену. – О, классное название для группы: «Моргазм»! – И снова принялась за шнурки. – Между прочим, сперма жжет глаза. Может, поэтому они у тебя болят?

– Квин, не может быть в мозгу никакой спермы. Что

за чу...

– А ты в курсе, что роговица образуется из того же клеточного слоя, что и яички? Вдруг она у тебя мутировала и начала производить...

Кэм закрыл лицо руками.

– Квин, ну что ты несешь!

Она хлопнула себя по коленям и поднялась на ноги.

– Смирись с очевидностью, котик. Звучит стремно – значит, и вправду что-то стремное.

– Парень, сдавший нам квартиру, болтал, что здесь привидения, – но это же не значит, что они действительно здесь есть!

Квин ощутила укол обиды. Почему он не хочет поддерживать игру?

– Кэм, мне за тебя просто стыдно! Ты, между прочим, мастер ужасов. А сам блеешь, как последний тупой обыватель: «Мало ли что болтают о привидениях, а я не верю!»

– Но у нас здесь свет не мигал и не было никакого... странного шепота...

– Котик, сам ты странный шепот!

Она наклонилась и поцеловала его в лоб – чмокнула как следует, чтобы оставить след помады. Когда оторвалась от Кэма, на месте третьего глаза у него красовался, словно в «Бойцовском клубе», ярко-красный отпечаток губ. С этим отпечатком на лбу, да еще и с покрасневшими, будто заплаканными, глазами, уютно устроившись в кровати, смотрелся

он очень мило.

— Ладно, я пошла, — сказала она. — Сегодня у нас переучет, Кенз просила помочь. Люблю, не скучай, с призраками не связывайся.

И ушла.

Уже в третий раз за утро Кэм промыл глаза. Но от воды щипало только сильнее. Такое чувство, словно глаза покрылись какой-то жгучей пленкой. Тереть тоже не помогало — когда тер, они как будто ворочались с трудом, болезненно задевая череп, и боль распространялась глубже.

Кэм сел за столик в спальне, включил ноутбук. Некоторое время разглядывал иконку «Скайрима». В прошлый раз компьютер сообщил, что он провел за игрой больше тысячи часов. Как-то это... не очень здорово.

Так что Кэм похрустел пальцами. Открыл новый вордовский документ. Пощипал себя за бороду. Посмотрел на мигающий курсор. Потер глаза.

И начал писать.

В кои-то веки работа шла легко. Скоро он понял, что пишет о доме из своего сна — доме с чердаком. Человек, который там жил, некий Фрэнк Ла Мorte, однажды прикончил садовым ножом всю свою семью. Снял кожу с четверых детей, словно кожуру с бананов. Закончив с этим, набрал полные горсти кровоточащей плоти и кровью нарисовал человечка на стене чердака. Это жестокое и безумное деяние навеки преобразило деревянные доски — превратило

их в дверь, открывающую проход в иную, кошмарную реальность. Потом дом отремонтировали и выставили на продажу, доски чердака разобрали, кровавого человечка разъяли на части, и дверь из Его реальности в нашу снова оказалась утрачена. Но Человек-из-Крови ждал своего часа. И мечтал о мести...

Ничего лучше Кэм еще не писал.

Он работал, а жжение в глазах все усиливалось. Экран расплывался, Кэм едва различал написанное. Жирные капли холодной слизи выкатывались из глаз и падали на руки, занесенные над клавиатурой. Но Кэм писал, писал и писал. Сюжет развивался сам, как бы по собственной воле, – оставалось лишь следовать за ним. Кэм слышал, что так бывает, но никогда прежде не переживал сам. Странное чувство. Словно что-то рвется из него наружу – свило себе гнездо в мозгу и прокладывает оттуда путь через глаза, обжигая их холодным огнем.

Так шла неделя за неделей.

Квин уговаривала сходить к врачу. Но доктор мог вылечить эту неизвестную болезнь – и вместе со слизью высушить слова. Кэм моргал налитыми кровью глазами и решительно отказывался.

Четыре месяца спустя на руках у него был готовый роман. И что, вы думаете, стало со жжением в глазах? Так же внезапно прекратилось, ушло без следа.

Никакой доктор не понадобился.

До «Человека-из-Крови» Кэм печатался трижды. Все три публикации – рассказы в полулюбительских журналах, которыми следовало бы гордиться, но он не гордился. А теперь наконец написал что-то важное! Серьезное. Настоящий роман! И не сомневался: «Человек-из-Крови» изменит его жизнь.

Ну что сказать... В этом Кэм не ошибся.

Это было три года назад. В то время, когда Кэм и Квин жили в Парк-Слоуп, в их первой общей квартире. Квин там нравилось, потому что по утрам в квартиру светило солнце и окна выходили во внутренний двор, где росли самые настоящие деревья. Ей нравилось засыпать под шум листвы, а не под рев грузовиков и пьяные вопли, доносящиеся с Четвертой авеню. А еще здесь можно было гулять по крыше. Смотреть оттуда и на статую Свободы, и на блестящие вдали очертания Крайслер-билдинг... Кэм по вечерам прочно приклеивался к письменному столу, так что Квин привыкла выходить на крышу одна, с сигаретами и отцовской зажигалкой «зиппо» с выгравированной на боку Мэрилин Монро в уорхоловских цветах. Втыкала в уши наушники и, поставив «Спотифай» на рандом, смотрела, как внизу, в мутном полумраке большого города, мигают красные и белые огни.

Одиночество ее не угнетало.

Кэма ночной уличный шум не раздражал. Но он и не вырос, как Квин, в маленьком городке на севере штата. Его родители преподавали в Нью-Йоркском университете. Он не

слыхал лягушачьих песен на болотах, не засыпал под отдаленный стук колес и гудение поезда, мчащегося через леса. Впрочем, для получения магистерской степени по изящным искусствам Кэм отправился на север штата, в Колледж Брэнсон в городке Ферроукилл, где ничего, кроме колледжа, и не было. Там и познакомился с Квин, в то время третьекурсницей с театрального факультета. Она на него запала, когда услышала, как он говорит о себе – так, словно чего-то стоит. Сама Квин ощущала себя в лучшем случае каким-то мусором, плывущим по реке: тебя несет по жизни течением, без направления, без цели, и в конечном счете это всегда путь вниз.

Когда оба закончили учебу, он спросил, не хочет ли она уехать с ним в Нью-Йорк.

– Кэм, – сказала Квин, – мой родной город называется Леден-Холлоу¹. – Название она произнесла с такой гримасой, будто и на вкус оно отдавало свинцом. – Население пять тысяч человек. Из развлечений – киношка и боулинг. И ты спрашиваешь, хочу ли я поехать с тобой в Бруклин? Еще бы! Я же смогу устроиться в театр! Буду играть на независимой сцене в каких-нибудь стремных современных пьесах.

Эта мечта не сбылась (на прослушиваниях для «стремных современных пьес» всякий раз выяснялось, что Квин придется произносить монологи голышом или кататься в молочной луже), но оказалась достаточной причиной, чтобы

¹ Свинцовая яма. – Здесь и далее прим. пер.

без всяких угрызений совести распрощаться наконец с Леден-Холлоу.

Остаться на родине она не собиралась в любом случае. Как и в большинстве маленьких городков, в этом месте было слишком уж много воспоминаний; куда бы ни шла Квин, воспоминания наплывали мутными весенними водами и подступали к горлу, грозясь утопить. В сущности, за Кэма она уцепилась как за предлог смыться. А теперь, хоть и кляла себя за это, сидя в одиночестве на бруклинской крыше, тосковала по дому и мечтала вернуться.

Странные фокусы выкидывают с нами родные места. Сначала не можешь дождаться, когда же оттуда свалишь, а потом ловишь их голос в шепоте ветров.

К тому времени, когда Кэму приснился кошмар о чердаке, они встречались уже два года. Квин тогда ощутила большое облегчение. Весь первый год их нью-йоркской жизни Кэм курил траву и играл в третьего «Ведьмака» – сидел за ноутбуком и хором с тем беловолосым мужиком из игры хрипло орал: «Плотва-а-а-а!» Или лежал на диване и щипал себя за бороду, мусоря на полу короткими жесткими волосками. Выкурив косяк, болтал о том, как станет вторым Стивеном Кингом. А потом снова садился играть.

Но тот кошмар как будто придал ему целеустремленности. Кэм написал роман и даже сумел продать его маленькому независимому издательству – какой-то компании гиков, расположившейся на бывшей сидровой ферме в Вермонте.

Квин была на седьмом небе. Кэм приглашали на чтения, он давал интервью. До полномасштабной славы это, может, и не дотягивало – но он был счастлив.

Правда, Счастливый Кэм оказался еще более самодовольным и бесячим типом, чем Кэм Несчастный. Счастливый Кэм постоянно ее критиковал: то за вкусы в еде, то за выбор музыки. Он ведь теперь сделался успешным романистом, а значит, официально лучше ее. Было обидно. Особенно когда Квин бросила ходить на прослушивания и стала просто еще одной бруклинской барменшей, смилившейся с тем, что ее мечта не сбылась.

Дальше независимое издательство пошло ко дну, утянув за собой и «Человека-из-Крови», снова появился Несчастный Кэм – и тут Квин вспомнила, что и он ее особо не радовал. Несчастный Кэм был мрачен и циничен. Не знал, о чем писать дальше. Зарабатывал репетиторством, работу свою ненавидел – вернувшись после блужданий по городу, всякий раз на чем свет стоит крыл идиотскую экзаменационную систему и неблагоприятную школоту. Возил с собой с квартиры на квартиру тяжеленные руководства для подготовки к экзаменам, таскался на индивидуальные занятия с тинейджерами, которым все это на хрен не сдалось, а вернувшись домой, сворачивал косячок и требовал, чтобы Квин растерла ему плечи.

И так изо дня в день.

Она видела, что Кэм все глубже погружается в уныние.

Думал, книга изменит его жизнь – но ничего не изменилось. Как и прежде, он ничего не стоил. Даже не написал ни слова с тех пор, как на клавиатуре высохла последняя холодная слеза.

Пожалуй, Квин его понимала. Она ведь тоже перестала ходить на прослушивания. Даже когда еще ходила, запросто отказывалась от встречи, например, из-за того, что на линии F опять кто-то прыгнул под поезд. И нужно трястись в пропахшем мочой вагоне, придерживая старые разболтанные наушники, стараясь не думать о том, что всего в миле отсюда с рельсов отскребают труп... Мерзость какая! Наконец пришлось признаться себе: даже в колледже театр ее понастоящему не увлекал. Точнее, не увлекал сам по себе, без Селесты. Ведь это с ее подачи Квин начала играть – тогда, давным-давно.

Но, если так, чем же она хочет заниматься?

Хороший вопрос.

Шло время, и постепенно с Несчастливым Кэмом ей стало... удобно. По крайней мере, рядом с ним было чем заняться. Хотя бы утешать, массируя ему плечи по вечерам.

– Все будет хорошо, котик, – повторяла она снова и снова, зарываясь пальцами в его мышцы и глядя через его голову на третьего «Ведьмака». – Рано или поздно ты напишешь что-нибудь великое. Обязательно напишешь. Я знаю...

Отчаянно надеясь, что так оно и будет.

Акт первый

«Человек-из-Крови

смотрит со стены...»

Обнаружив, что на стене чердака в его новом доме намалевана человеческая фигура, Калёб Вентли поначалу об этом не задумывается. Что особенного в этом рисунке? Несколько черточек, проведенных желтым мелом, буйная копна волос, пара диагональных прорезей вместо глаз. Выглядит жутковато; но ведь, кажется, у предыдущих жильцов были дети? Дети любят рисовать на стенах.

Но когда из меловых линий до него доносится шепот, когда в щелях между досками показываются серые пальцы, когда чьи-то губы прижимаются к дереву с той стороны, Калёб понимает: с рисунком что-то не так.

Исследуя историю дома, он сталкивается с загадочной квазирелигиозной организацией под названием «Комитет по восстановлению Человека-из-Крови». Комитет сообщает Калёбу, что рисунок у него на чердаке – лишь уменьшенная копия оригинала. Тридцать лет назад изображение Человека-из-Крови, богоподобного гиганта из иного измерения, раскинулось во всю стену дома, где теперь живет Калёб, – и тогда было нарисовано кровью. Доски, по которым расплескался Кровавый Человек, рассеялись по всей стране – жут-

кие сувениры для фанатов криминальных историй; но Комитет собрал почти все. Чтобы найти последний обломок доски, культистам из Комитета нужна помощь Калеба. Собрав всю мозаику, они восстановят Человека-из-Крови – и, став целым, Он откроет дверь в мир еще более чудовищный, чем наш...

В дебютном романе ужасов Кэмпбелла П. Мэриона «Человек-из-Крови» Кaleb стремится помешать культистам открыть дверь. На счету каждая минута: ведь кошмарные создания уже рвутся в наш мир с той стороны. А скоро Кaleb поймет, какую судьбу на самом деле уготовили ему члены Комитета, – и узнает о Человеке-из-Крови самое важное: чтобы призвать его из запределья, нужно принести кровавую жертву.

Аннотация на задней стороне суперобложки «Человека-из-Крови»

Глава первая

Коробка «К. М.»

Комната отдыха при факультете литературного творчества была не так уж велика – впрочем, как и сам факультет литературного творчества. На нем трудились лишь десять преподавателей, и одной из них была Мэделин Нэрроуз.

Сейчас Мэделин сидела здесь, на зеленом кожаном диванчике, лицом к камину, закинув босые ноги на кофейный столик перед собой. При каждом удобном случае Мэделин снимала туфли – считала, что это помогает ощущать дыхание Земли.

Она закрыла дочитанную книгу. В тишине едва слышно хрустнул новенький переплет. Мэделин провела пальцами по суперобложке. «Человек-из-Крови» – крупная косая надпись желтыми меловыми буквами. Косматый человечек смотрел на нее с обложки страшными глазами; под его взглядом Мэделин содрогнулась.

Имя автора – Кэмпбелл П. Мэрион – ничего ей не говорило. Судя по биографической справке на задней стороне обложки, это был его первый роман. Молодой человек, белый, с густой бородой и в круглых очках. Получил степень магистра искусств в Колледже Брэнсон, примерно в часе езды от того места, где сидит сейчас Мэделин. Суровый взгляд с черно-белого фото, сделанного некоей Квин Роуз Карвер-

Добсон. Симпатичное имя. Солидное, словно название юридической фирмы. Интересно, кем ему приходится эта Квин?

Пробежав кончиками пальцев по лицу Кэмпбелла на фотографии, Мэделин ощутила, что он человек добрый, хоть и старается не поддаваться благим порывам. Что бывает эгоистичным и мелочным; но рядом с ним есть кто-то близкий (Квин?), кто любит его всем сердцем и верит в него. Что он легко говорит грубости, что у него бывают опасные идеи...

Мэделин отняла руку от фотографии, потеряла второй рукой. Кончики пальцев покалывало, они вспотели – как всегда, когда Мэделин что-то чувствовала о других.

«Человек-из-Крови», прочитанный в один присест, очень ей понравился. Просто заворожил. Разумеется, такое впечатление книга произвела еще и потому, что рассказывала – по крайней мере, отчасти – о ней самой.

Дело было вот в чем. В последние три месяца каждые две недели студент, нанятый факультетом (второкурсник в круглых очках и с синими волосами), заносил в деканат здоровенную коробку, полную самой разнообразной литературы. Книги, журналы, распечатки сетевых публикаций, газеты, литературные альманахи... Все это синеволосый парень извлекал из библиотеки колледжа, где проводил бесчисленные часы, роясь в архивах, бумажных и цифровых, а затем сваливал в покореженную картонную коробку с логотипом «ХеллоФреш» и тащил в Слиттер-Холл, на факультет литературного творчества. Кому и зачем это нужно, парень не

знал – и, по счастью, никогда не спрашивал. Вряд ли Мэделин смогла бы ему объяснить. Тут непонятно даже, с чего начать.

Должно быть, с того февральского ужина в Доме выпускников почти три месяца назад, когда бойфренд Мэделин, красавец, талантливый писатель, лауреат местной премии Бенни Маккол, пригласил всех десятерых преподавателей факультета в соседнюю комнату. Налил себе виски, предложил располагаться поудобнее. И рассказал историю, в которую поверили лишь трое из десяти.

Теперь эти трое каждый месяц по очереди читали книги из коробки. Выясняли все, что удавалось найти, об авторах с одинаковыми инициалами. Что же до остальных семи – они теперь этой троицы сторонились.

История, поведенная Бенни, поразила Мэделин не так сильно, как других. В конце концов, коллеги познакомились с ним лишь в этом семестре, когда он устроился на факультет – а Мэделин встречалась с ним уже три года. В сорок пять, с разводом за плечами, обзавестись бойфрендом – от этой мысли Мэделин до сих пор хихикала, как девчонка. Однако в последний год Бенни стал... другим. Она это чувствовала. Особенно когда прикасалась к нему спящему. Непонятно почему ей приходило на ум слово «червивый». С прошлой весны, когда получил эту дурацкую премию, когда встретил ту женщину, Кэтрин Мейсон, Бенни сделался таким... отчужденным. И вообще вел себя странно.

Так что, когда он собрал их всех в отдельной комнате Дома выпускников и рассказал то, что знал, Мэделин, в сущности, испытала облегчение. «Вот это да! – подумала она. – А ведь я оказалась права! Он действительно *перестал быть самим собой*». Это дало ей надежду, что все еще можно исправить. И когда он попросил «новую кафедру» (тех троих, что ему поверили) заняться отсеиванием книг в коробках, и когда попросил соорудить те машины в подвале, Мэделин с готовностью согласилась.

В сорок пять лет нелегко отказаться от мужчины. Особенно если он классно целуется и к тому же замечательно пишет.

Но чтение книг из коробки, за очень редкими исключениями, было делом утомительным и нудным. И еще страшным. Ведь Мэделин знала: если заметит что-то стоящее – должна будет об этом сообщить. А если сообщит... ну, по сути, для автора это смертный приговор.

Вот почему сейчас она сидела над «Человеком-из-Крови» в глубокой задумчивости. Мэделин вовсе не была уверена, что Кэмпбелл П. Мэрион заслужил смерть.

Она положила книгу на колени названием вверх, чтобы Кэмпбелл не смотрел на нее с фотографии на задней стороне. Подняла глаза на массивный портрет, украшающий стену над камином. Поднесла руку к лицу и начала обкусывать ноготь.

– Черт бы тебя побрал! – сказала она, обращаясь к портрету.

Тот, разумеется, промолчал.

Мэтью Слиттер, изображенный на портрете, был президентом колледжа с 1971 по 1979 год. В памяти большинства своих знакомых он остался стареющим хиппи с вялым рукопожатием, вечно рассеянным и витающим в облаках. Из тех, от кого вреда нет, но и пользы немного. Мэтью обладал загорелой и загорбелой кожей, был совершенно лыс, если не считать венчика жидких седых волос у основания черепа. Носил круглые очки с толстыми стеклами в проволоочной оправе, постоянно моргал, часто приходил на работу с красными глазами. Говорил невнятно, почти шепотом. Не расставался с пафосной деревянной тростью, словно изображал Вилли Вонку. И пахло от него противно – то ли сексом, то ли мужским, то ли какими-то водорослями.

Короче говоря, было стойкое ощущение, что он ни дня не проводит без косячка.

Однако в 1973 году Слиттер сделал чрезвычайно важное наблюдение. Он заметил, что в последнее время множество учащихся факультета английской литературы и лингвистики сдает в качестве курсовых творческие работы. Начав выяснять причину, Слиттер обнаружил, что многие из этих студентов недавно вернулись из Вьетнама. А еще больше тех, кто потерял друзей, отцов, братьев...

В ноябре 1973-го Слиттер разослал по всем факультетам служебную записку, в которой были такие слова:

«Для того чтобы долго хранить в себе ужас, сердце чело-

веческое слишком хрупко и прихотливо. Слишком много в нем темных закоулков – и щелей. Рано или поздно, так или иначе, пережитое выльется наружу. Ужас нужно выражать и изгонять; ведь, не найдя ему исхода, сердце начнет изливаться внутрь себя и наконец, переполнившись, разорвется. От этого можно и умереть. Или умирать медленно, годами и десятилетиями.

Нет уж. Пусть лучше пишут».

И Слиттер разделил факультет английского языка и литературы надвое. Отделение литературного творчества осталось в Болдивен-Холле, который Слиттер переименовал, дав ему собственную фамилию (почему бы и нет?). А литературоведы и лингвисты переехали в новые аудитории в Эйхмановский корпус напротив Слиттер-Холла. Не слишком-то это порадовало историков, не желавших ни с кем делить свою обитель, однако для исторического факультета Слиттер пристроил к «Эйхману» новое восточное крыло и этим хоть отчасти их успокоил.

Что же до Слиттер-Холла, теперь в нем обитали четверо преподавателей литературного творчества, а также весь философский факультет, занявший второй этаж. В здании провели ремонт, перестроили прежние аудитории; раз в две недели Слиттер завел «кофейные вечера», где и студенты и преподаватели могли читать свои работы. Для студентов это была возможность поделиться тайной, свято хранимой со школьных лет: многие из них впервые читали свои про-

изведения на публике – и, быть может, надеялись, что любимый преподаватель одобрительно похлопает их по плечу. Для преподавателей же, если говорить откровенно, это была возможность поживиться чужими идеями. Не все же из этих ребят в самом деле станут писателями!

Скоро на огонек в Слиттер-Холл стали заглядывать и студенты других факультетов: одни только слушали, другие жаждали поделиться своими рассказами, стихами и песнями. Привлекало их и то, что по настоянию Слиттера на «кофейных вечерах» и правда присутствовали кофе и сладости; все организовывала его жена Белинда. Благодаря ей на столе не было недостатка в шоколадных конфетах, пирожных и овсяном печенье с изюмом, которому отдавали должное даже самые стойкие ненавистники овсянки.

Вот так кофейные вечера сделались в Эдемвильском колледже почтенной и любимой традицией. О них писали в рекламных брошюрках. Экскурсии по колледжу надолго задерживались в Слиттер-Холле. К 1985 году численность факультета литературного творчества выросла более чем вдвое. А в округе распространилась шутка: «Сын-графоман – горе в семье, такому одна дорога: в Эдемвиль!»

Однако, несмотря на это удачное дополнение к жизни колледжа, к концу 1978 года недобровольная отставка Слиттера сделалась неминуемой. Последним перышком стало слово «обалденный», употребленное им в еще одной докладной записке. Но недовольство росло и до того. Выпускники опа-

сались, что он пытается превратить колледж в коммуну. Не помогало делу и то, что значительную часть бюджета колледжа он тратил на разные «экстравагантные прожекты» (цитата из коллективного письма, в котором Слиттеру настоятельно предлагали поразмыслить, не пора ли ему на пенсию). Перед таким напором он был беззащитен – да, честно говоря, и сам был готов уйти. Если совету директоров не по вкусу его «экстравагантности» – например, высадка на территории колледжа огромного количества подсолнухов (недоброжелатели уверяли, что эти цветы привлекли в кампус тучи моли, растительной тли и прочих жучков-паучков) или «черепаший вторник» раз в семестр, когда студенты вместо занятий ловят черепах в кампусном пруду, – что ж, тогда Слиттер «выходит из игры», как объявил он в своем ответном послании.

Словом, колледж расстался со своим президентом вполне мирно. Можно сказать, по-дружески.

А в 1990 году в возрасте восьмидесяти лет Слиттер бесследно исчез.

Ходили слухи, что его убили и тело его удобряет бескрайние поля подсолнухов, занимающие теперь всю западную часть территории (сокращенно Западный Кампус, еще сокращеннее – Вест-Камп). Цветы Слиттера росли и вдоль границ кампуса, заслоняя его от посторонних взглядов. Рассказывали, что Мэтью и Белинда, пропавшая вместе с мужем, покоятся где-то под землей. Корни подсолнухов обвивают их

тела и прорастают сквозь глазницы; но и в этой странной замогильной жизни недвижимый, оплетенный корнями Слиттер крепко прижимает к груди свою деревянную трость...

Так или иначе, не будь Мэтью Слиттера – не было бы и фактуса литературного творчества. А это, вследствие долгой цепи случайностей, совпадений и неудач, означало бы вот что: не сидеть бы сейчас Мэделин Нэрроуз посреди Слиттер-Холла, держа в руках жизнь незнакомца.

– Черт бы тебя побрал! – сказала она портрету.

Бывший президент колледжа стоял, надменно выпятив грудь и опершись на верную трость с набалдашником в виде орлиной головы, посреди бескрайнего поля подсолнухов. Над головой собирались грозовые тучи, отблеск молнии навечно застыл на очках. У ног устилали землю желтые лепестки. Зрелище масштабное и величественное: убеленный сединами муж на закате жизни.

Мэделин со вздохом опустила глаза на «Человека-из-Крови». Может, сделать вид, что этой книги не было? Положить незаметно на полку книгообмена в Эдемвильской публичной библиотеке. Или, еще лучше, разорвать пополам и засунуть в шредер. Вдруг Бенни не узнает?

Нет. Узнает.

Мэделин покосилась на дверь за спиной, ведущую в коридор. Почти вся комната отдыха оставалась у нее за спиной: книжные полки, огромный деревянный стол с зелеными лампами, барная тележка – и эта дверь.

Все было тихо.

Но, даже если он не смотрит на нее прямо сейчас, – узнает непременно. И жутко разозлится.

Мэделин сунула ноги в биркенштоки, встала с дивана, сунув книгу под мышку. Прошла из комнаты отдыха, мимо окна, к столу секретарши.

Энджи было уже сильно за шестьдесят. Шапка седых волос, особенно густая в сравнении с жидкими мышинными волосами Мэделин; теплая медово-смуглая кожа, рядом с которой сильно бросалась в глаза бледность Мэделин и голубизна ее проступающих вен. На столе согласно качала головами дюжина пингвинчиков. Энджи указала на книгу под мышкой у Мэделин:

– Ну как, нашла что-нибудь интересное?

– Надеюсь, что да, – как можно беззаботнее ответила Мэделин.

– Вот здорово! Знаешь, он мне говорил, что мы уже почти все собрали!

– Ага, – сказала Мэделин уже не так жизнерадостно. – И правда, почти...

И зашагала дальше – по коридору без окон, мимо аудиторий, полных студентов: шла последняя неделя перед сессией, и на занятия явились даже отъявленные прогульщики. В Слиттер-Холле бывало душновато – и не только в переносном смысле, особенно в последнюю неделю апреля, так что все двери в аудиториях были открыты. В одной из них Сид

читала своему курсу лекцию о композиции новеллы. Расхаживая взад-вперед, словно тигрица в клетке, она говорила своим надтреснутым голосом:

– Сон, предвещающий будущие события, служит не только построению сюжета, но и раскрытию характера героя...

Мэделин приветственно ей помахала. Сид кивнула в ответ – холодно, безразлично, как всегда, – а затем искалеченной рукой, будто обрубленной на запястье, указала на доску:

– Давайте начнем с этого абзаца...

Мэделин пошла дальше. В следующей аудитории Чет, сгорбившись над столом, гнусаво предлагал «любому желающему» высказать свое мнение о несобственно-прямой речи у Вирджинии Вулф.

– Чьи это мысли, – спрашивал он в нос, – мистера Рэмзи или рассказчика? Видите? В этом прелесть делезианской нарратологии. – И, щелкнув ручкой: – В эти вопросы нам с вами необходимо углубиться...

К «новой кафедре» Чет не принадлежал. Он был неверующим.

Дойдя до конца коридора, Мэделин свернула на лестницу. Спустилась с первого этажа в подвал, а затем еще на пролет ниже, к запертой двери, которую приходилось открывать специальным ключом. Из-за двери донесся приглушенный рокот работающего механизма. И музыка. В который раз Том Джонс жаловался на свою Дилайлу, бесстыжую обманщицу, которая изменяла ему за спиной, а теперь смеется в лицо.

Крикливая, визгливая песня ввинчивалась в мозг; Мэделин поморщилась.

Но Уэс обожает Тома Джонса. Раз звучит музыка – значит, он здесь.

Вот и хорошо.

Крепче прижав к себе книгу, она шагнула в мерцающий полумрак минус второго этажа. Здесь было жарко, словно в машинном отсеке теплохода. Кажется, даже ощущался на языке вкус смазки. Чем дальше, тем жарче – и тем назойливее завывал свое «*Why, why, why?*» Том Джонс, и тем громче рокотала машина, к которой Мэделин брела почти против воли, как летит к огню мотылек.

Дойдя до тяжелой массивной двери, она нажала звонок. Пауза. Затем по ту сторону раздался лязг: гремели засовы, щелкали замки. Наконец, издав пронзительный ржавый скрип, дверь приотворилась; на пороге стоял профессор Уэс Флэннери в переднике, заляпанном кровью.

– Что такое? – спросил он.

За спиной у него ревели моторы, гремело, скрежетало и лязгало железо. Уэсу приходилось перекрикивать и весь этот шум, и вопли Тома Джонса из блютуз-колонки, пристроенной на металлической полочке над раковиной.

– Середина дня, – сказал он. – В здании полно студентов.

Бенни и Уэс немало потрудились над звукоизоляцией минус второго этажа, однако... закон Мерфи никто не отменял.

– Кажется, я кого-то нашла! – прокричала в ответ Мэде-

лин и протянула ему «Человека-из-Крови».

Уэс принял книгу ручищей в резиновой перчатке. Прочитал название, перевернул и взглянул на заднюю сторонку.

С виду Уэс напоминал пиратского капитана: шести с половиной футов² ростом, мощный, пузатый, с всклокоченной седой гривой и шрамами – наследием юношеских потасовок в барах. Огромные волосатые ручищи все в татуировках. И передник в бурых пятнах. Уэс возвышался над Мэделин, как башня, и книга у него в руках казалась совсем маленькой. Но Мэделин его не боялась. Уэс был ее самым давним другом здесь, на факультете. Даже исходящий от него запах пота, неизбежный при физической работе в жарком помещении, был ей скорее приятен.

Уэс вернул книгу Мэделин.

– И что там?

– Великан. И гобелен. Не совсем, но что-то вроде. – Она прижала книгу к груди. – Можно мне войти?

Он молча отступил в сторону.

Назвать это помещение «комнатой» значило бы ему польстить. Просто подвал с голыми бетонными стенами, совершенно пустой, если не считать металлического стола в центре, раковины и пары массивных, бесконечно вращающихся турбин у задней стены. Мэделин шла, уставившись в пол, на турбины старалась не смотреть. Турбинами занимался Уэс. Сам на этом настоял, чтобы избавиться от обязанности изу-

² Около 198 см (1 фут = 30,48 см).

чать литературу из коробки. Интересно, он и теперь считает, что дело того стоило? Дотронувшись до Уэса, Мэделин могла бы узнать, что он чувствует, – но на это ей не хватало смелости.

– Все лопасти у нас заполнены, – сказал он, убавив громкость Тому Джонсу. – Та девчонка заняла последнюю. Придется кого-то отправить на переработку.

– Но ведь мы продолжаем искать и читать...

– Это вопрос к твоему приятелю Бенни. У нас нет места. Поговори с ним, скажи, чтобы не жадничал.

– Нет, я... я ему такого не скажу, – запнувшись, ответила Мэделин.

Уэс закашлялся, сплюнул мокроту на пол, в стальной водосток.

– Тогда чего ты от меня хочешь?

– Понимаешь... я ведь ни разу еще никого не *находила*, – объяснила Мэделин. – И не знаю...

– Сомневаешься?

– Может быть, – помолчав, ответила она.

– И что? Хочешь, чтобы я помог тебе это скрыть? – Он кивнул на книгу у нее в руках: – От Маккола?

– Нет, нет! – быстро проговорила она, ощутив укол страха.

– А чего тогда? Что я для тебя должен сделать? – мягко спросил Уэс.

– Не знаю! – воскликнула она. Бросила взгляд на громоздкую, лязгающую и клацающую машину. – Просто... знаешь,

меня вдруг как-то поразило... Уэс, мы ведь мучаем людей! Тебя это не беспокоит? Совсем?

Он хотел ответить, но тут его настиг мощный приступ кашля. Уэс согнулся пополам, кашлял долго и мучительно, затем снова сплюнул на пол.

– Знаешь, – просипел он наконец, – может, и побеспокоюсь – когда-нибудь потом. А сейчас, Мэделин, деваться нам некуда. Если это дает хоть один шанс...

– Да, понимаю, – ответила Мэделин, не глядя на него. Вместо этого смотрела на то, что вышло из его легких – на источающую можжевелевый запах лужицу голубоватой слизи на полу. К горлу у нее подступила желчь. – Я просто не хочу... не хочу больше никому причинять зло! Уэс, я... не знаю, что делать.

Он вздохнул.

– Дай-ка сюда. – Снова взял у нее книгу, рассмотрел с двух сторон, а потом сказал: – Послушай, у меня есть идея. Что, если нам принять его к себе, в нашу компанию? Пусть будет под присмотром.

Мэделин просияла.

– У него есть степень. Мы могли бы нанять его на работу!

Уэс кивнул, изучая биографию Кэмпбелла на задней стороне обложки.

– Да, образование вполне приличное... Может, взять его на место приглашенного писателя? В следующем семестре.

– А как же та женщина... драматург, кажется?

Уэс пожал плечами:

– Да черт с ней. Сообщим, что у нас поменялось расписание. Пусть приезжает весной.

– А если он не примет наше приглашение?

Уэс нахмурился, протянул ей книгу.

– Примет. Мы предложим ему то, чего хотят все начинающие авторы.

– Кокаин и стриптиз?

– Точно! – рассмеялся он. – Нет, дадим этому бедолаге шанс ощутить, что он чего-то стоит! Какому же писателю этого не хочется?

Мэделин задумчиво кивнула:

– Да, пожалуй... Хорошо. Сегодня поговорю с Бенни. Спасибо тебе.

– Только не говори, что это я предложил. – Отвернувшись от нее, Уэс сдернул перчатки и принялся мыть руки в раковине.

Мэделин перевела взгляд на медленно вращающиеся лопасти турбины. Утерла пот со лба. Как же здесь жарко! Единственное облегчение – едва заметный ветерок от огромного стального вентилятора, лениво крутящегося над головой.

– Где та девушка? – спросила она.

Уэс смахнул с рук капельки воды, кивнул на левую турбину. Подвел к ней Мэделин, подождал, пока из-под днища турбины вынырнет одна лопасть. Нажал на кнопку – и рев мотора сменился шипением пара, затем все стихло, а лопасть

зависла неподвижно на уровне груди.

У девушки были короткие рыжие волосы. На ней бежевый лифчик и памперс для взрослых, больше ничего.

Мэделин провела пальцем по ее руке вверх, к плечу. Девушка дернулась. Мэделин ощутила ее боль – бездонную ржавую тьму – и забрала себе. Не всю, совсем немного. Позволила чужой боли сочиться сквозь пальцы, пропитывая ткани и кости.

– Вот так, – прошептала она. – Ш-ш-ш... Все хорошо...

Боль вползала в нее, присасывалась к костям, и Мэделин чувствовала, как понемногу истончается, исчезает... пока Уэс не сказал: «Хватит!» – и не хлопнул ладонью по кнопке. Снова взревел мотор, и лопасть с девушкой поехала вверх.

– Ты этим себя убьешь. – Уэс снова закашлялся. – Сама знаешь.

– Ей уже снилось что-нибудь о дереве? – спросила Мэделин.

– По-моему, нет. Но лучше спроси у Бенни. Он же пьет эту хрень. – Уэс кивнул в пространство за турбинами, где у стены стояли массивные канистры. – Ему лучше знать.

Спрашивать у Бенни Мэделин не хотела. Она крепче прижала к груди «Человека-из-Крови».

Под потолком, у них над головами, лениво кружил вентилятор. Словно стервятник, ждущий, когда его добыча умрет.

Глава вторая

«Красный двор»

«Красный двор» – так назывался этот старый бар. И пахло в нем, как в старом баре: застоявшимся пивом, застарелым потом, прогорклыми лимонами. Кабинки из клееной фанеры, столешницы из какого-то сырого, вечно липкого дерева, испещренные шрамами – именами, инициалами, непристойными картинками, накопившимися здесь за десятилетия. В таком месте лучше всего выпивать в одиночку – и воображать, что сам «Красный двор» садится с тобою рядом, обнимает за плечи отклеившимся куском обоев, пьяно бормочет на ухо: «Эй, приятель, послушай, что расскажу...»

А «Красному двору» было что рассказать! Определенно, в прошлом он дерьма навидался.

Когда-то это был жилой дом: построил его для себя некий Саймон Рутье, мясной магнат, друг Рокфеллеров. По крайней мере, так гласила городская легенда. «Пивной сад» на заднем дворе был когда-то настоящим садом, с цветами, бабочками, золотыми рыбками... В этом-то саду сто лет назад и нашли Саймона Рутье, разорванного на мелкие клочки. Кровоточащие лохмотья Саймонова мяса валялись на земле, свисали с деревьев, окрашивали розовым воду в пруду. Словно он чихнул – и вдруг взорвался, оставив после себя большой *красный двор*.

В тот же день в нелегальном питейном заведении на Манхэттене арестовали Флоренс Рутье, двадцати лет, молодую жену Саймона. Разумеется, спросили, что случилось. Он ей изменял? Бил? Зачем она убила Саймона Рутье, успешного мясопромышленника, за которого всего семь месяцев назад вышла замуж?

Флоренс только расхохоталась в ответ. Если верить «Таймс», смеялась она и по дороге на электрический стул.

Во время каждой смены в «Красном дворе» (чаще всего вечерами в будни) Квин ловила себя на том, что всматривается в посетителей – в основном это были неловкие парочки из «Тиндера», приходящие сюда знакомиться – в поисках чего-нибудь загадочного и странного. Бледная светящаяся кожа, старые шрамы на шее... Ей казалось, именно в таком баре должны тусоваться вампиры. Протягивая клиенту выпивку, Квин всегда старалась прикоснуться к нему кончиками пальцев – но, увы, руки у всех оказывались теплые. И все же она не теряла надежды однажды встретиться с чем-то... с чем-то *новым*.

Пожалуй, как и каждый из нас.

Кэм заметил однажды (чем немало ее разозлил), что настоящие вампиры – «разумеется, если они существуют» – вряд ли станут следовать тем же правилам, что их коллеги из кино. И потом, Квин сама похожа на вампира. Бледное лицо, яркие гипнотические глаза. И руки у нее подходящие – тонкие, кожа да кости, и вечно ледяные.

«Руки ведьмы» – так говорила о них Селеста. От любого другого прозвучало бы оскорбительно, но в устах Селесты говорило о силе, о причастности к тайне. «Прямо вижу, как ты этими пальцами мешаешь какое-нибудь зеленое колдовское варево», – говорила Селеста своим хриловатым голосом. И добавляла, еще более хрипло: «Какие же у тебя красивые руки!» В ту ночь, после возвращения домой, сплетя пальцы с пальцами Квин. В ту странную ночь, когда они едва не стали больше, чем подругами. В ночь, о которой так и не успели поговорить, потому что...

Нет, об этом думать не стоит.

В углу, напротив барной стойки, располагалась небольшая сцена, рядом дверь в темный коридор, ведущий к туалетам, а прямо над дверью висела фотография Флоренс Рутье. Снятая за три недели до того, как она взорвала мужа. Флоренс смотрела с фотографии мертвыми подведенными глазами, крепко сжав намазанный черной помадой рот.

Пожалуй, больше всего в «Красном дворе» Квин нравилась эта фотография. Она успокаивала. Ангел-хранитель этого бара – знаменитая убийца. Флоренс за всем здесь приглядывает. Пусть только кто-нибудь попробует обидеть Квин, или устроить тут драку, или еще что-нибудь натворить – Флоренс живо с ним разберется! Порой Квин ощущала здесь ее присутствие – поверх всех ароматов старого бара тонкий, едва ощутимый душок сырого мяса.

Она повернулась к фотографии, подняла стакан сидра,

молчаливо салютуя Фло, и отпила глоток.

Квин стояла за стойкой с наушником в одном ухе. Играли *Such Great Heights*, кавер от *Iron & Wine*. Такое слезливое говнище в динамиках включать нельзя, весь народ распугаешь. Обе руки сунула в карман-муфту на животе своего худи и теребила папину зажигалку с Мэрилин. На работу Квин одевалась мешковато и мрачно – так к ней меньше подкатывали. Тяжелые черные ботинки, драные джинсы, старое худи в осенних тонах с летящей вороной – эмблемой старшей школы Леден-Холлоу («Вперед, Вороны!»). Желтый, оранжевый, коричневый – цвета опавших листьев. И ворона на груди. Надевая эту толстовку, Квин всякий раз вспоминала гимн школьной футбольной команды: «Вперед, Вороны! Мы идем! Берегитесь – заключаем!» Челка острыми зубцами падала на глаза и дергалась всякий раз, стоило Квин мигнуть. Такую челку она в восемь лет увидела у кого-то в кино, влюбилась в нее с первого взгляда – и эту детскую любовь, как часто случается, пронесла через всю жизнь.

Подкаты клиентов Квин удивляли: никто из этих мужиков как будто и не подозревал, что он не первый. Например, каждый считал своим долгом сообщить, что у нее красивые глаза.

В конце концов она стала отвечать:

– Ух ты, спасибо! Знаете, мне ведь никто никогда не говорил комплиментов!

Хотя глаза и вправду были ничего. Серые и с кольцами,

словно на спиле старого дерева. Кэм говорил: глаза выдают, что душа у тебя намного старше тела. Квин это нравилось. Куда лучше большинства комплиментов, какие можно услышать в баре, – и где-то в глубине души она дорожила этими словами. Как и худи, когда-то принадлежавшим Селесте. У Селесты был четырнадцатый размер³, и на Квин кофта болталась, как одеяло.

Она смотрела, как «Красный двор» постепенно заполняется посетителями «Литературного вечера», который должен был начаться через десять минут. Шаткие скамьи в середине зала уже потрескивали под множеством задниц. На любителей изящной словесности Квин взирала с отвращением, мечтая, подобно Флоренс Рутье, взорвать кого-нибудь взглядом – но, как ни сверлила их глазами, взрываться они решительно отказывались.

А жаль.

На литературных вечерах, проходивших раз в две недели, обычно выступало по трое авторов, пишущих фэнтези, фантастику или ужасы; каждому отводилось двадцать минут. Началась эта традиция задолго до того, как Квин сюда устроилась – и если бы знала заранее, возможно, искала бы себе другое место. Разумеется, очень скоро Кэм начал прощупывать почву: «Может, как-нибудь невзначай, если к слову придется, скажешь им про меня?» Разумеется, организаторша «Вечеров» к нему прониклась (при желании Кэм умел вти-

³ Соответствует российскому 48-му размеру.

ратся в доверие), и он сделался на этом мероприятии завсегдатаем. Но ничего нового Кэм не читал – он ведь и не писал ничего нового; так что каждые несколько месяцев Квин приходилось выслушивать один и тот же идиотский текст: несколько страниц из «Человека-из-Крови». Она уже все это наизусть могла рассказать. Из-за стены чердака Фрэнки Ла Морте слышит голос незнакомца. Повинуясь этому голосу, разделявает под орех всех своих родственников и их кровью рисует Человека на стене. Доски, запятнанные кровью, теперь прокляты! О, эти жуткие доски: стоит к ним прикоснуться – уже не будешь прежним! Стоит завладеть хоть щепкой от Человека-из-Крови – и никогда уже не будешь знать, кто тобой управляет, ты сам или Он. А если собрать Его целиком – берегись: сквозь доски прорвутся монстры из иного мира!

Сколько ж можно? В зубах навязла эта жу-у-уткая-прежу-у-уткая фигня! Книга Квин нравилась, но не настолько же! Хотя она и понимала, что никогда в этом не признается.

Она нашла взглядом Кэма. Двое других сегодняшних авторов сидели в одной кабинке и болтали – но не Кэм; он одиноко торчал в углу, ссутулившись над пивом, листал свою рукопись, щипал себя за бороду и что-то бормотал себе под нос. Нервничал.

Квин устремила на него убийственный взгляд.

Тоже не взорвался.

Ничто в ее жизни не взрывается – по крайней мере, по ее

желанию.

В отношения с Кэмом Квин вложила пять лет. Начала еще студенткой. Отдала ему, можно сказать, свою юность! И что теперь – просто все бросить? В этом Квин не сильна: бросать ей не удавалось никогда, ничего. Сколько смятых полупустых пачек ментоловых сигарет она швыряла в урну, замирала над ней, словно убийца над могилой жертвы, и каждый раз торжественно себе клялась: «Эта сигарета последняя!» Но проходил месяц-другой – Квин покупала новую пачку, и все начиналось заново. И если сейчас она порвет с Кэмом – что, если дальше просто... купит другую пачку? Фигурально выражаясь.

И упаси Вороны дать понять маме, что та все-таки была права! Да, Квин безнадежно погрязла в романе с «еще одним великовозрастным молодым дарованием», как выразилась ее матушка на прошлое Рождество, ополовинив бутылку розового. То же самое случилось с ней в первый год в Брэнсоне, с тем старшекурсником-музыкантом. И еще раньше в десятом классе – даже два раза. Вечная история: Квин западает на творческих личностей, волосатых и заранее утомленных жизнью, а дальше выясняется, что эти отношения нужны только ей. Она бьется как рыба об лед, а ему вообще пофиг.

– В-вечно за что-то цепляешься и не м-можешь бросить! – заплетающимся языком продолжала мать. – Сколько раз курить б-бросала? А зажигалка? Зачем х-хранить зажигалку п-

покойника? Н-надо было в гроб ему п-положить, как он п-п-просил!

От этого по спине у Квин пробежал холодок. Верно, папа просил, чтобы его похоронили с зажигалкой. Она досталась ему от деда, а сыновей у него не было. Но Квин, которой было тогда всего девять, на похоронах потихоньку вытащи-ла ее из гроба, и с тех пор эта зажигалка сделалась ее талисманом. Как и худи с вороной («Вперед, Вороны!»): довольно иронично, если вспомнить, что, учась в школе, от любых разновидностей местного патриотизма она была крайне далека. Только уехав в колледж, начала испытывать какую-то странную гордость за малую родину – и школьное худи стало основой ее гардероба. В память о Селесте.

Она не думала, что мама знает о зажигалке. Но мама, как видно, знала все. Вот почему после того Рождества они почти не разговаривали.

Квин прикончила сидр, повернулась ко второй девушке за стойкой:

– Эй, Кенз...

Кенз обернулась.

– Не возражаешь, если я... – И она помахала в воздухе зажигалкой и пачкой «Кэмел».

Кенз помотала головой.

– Спасибо, друг!

Кенз кивнула. Она была не из разговорчивых.

Дверь «Красного двора» выходила на аллею. Летом там

стояли длинные столы для пикников, летали осы, визжали и смеялись дети. Сегодня, в холодные иды начала мая (бывают ли майские иды?), аллея была сумрачна и пустынна. Порывы ветра гнали мусор. Над головой раскачивались разноцветные фонарики.

Квин пришлось прикрыть сигарету ладонью, чтобы уберечь от ветра, и щелкнуть зажигалкой несколько раз.

– Ну давай же, Мэрилин! – Она потрясла зажигалку и попробовала еще раз. Огонек вспыхнул, однако его тут же задуло ветром. – Знаю, ты бесишься оттого, что Джей Эф Кей позволил тебя убить, но все-таки... – Щелкнула еще раз. – Да чтоб тебя!

– Так-так...

Хрипловатый женский голос из-за спины застал Квин врасплох. От неожиданности она втянула в себя воздух, чуть не проглотив сигарету.

Незнакомка стояла в тени, прямо за границей неровного круга света от гирлянды фонарей. Раскачиваясь на ветру, фонари бросали свет на ее лицо, а затем снова погружали в темноту. Раз – Квин заметила блестящие карие глаза, а в следующий миг опять наступила тьма. Два – длинные черные волосы с проблесками седины; и вновь мрак, ничего, кроме мрака.

Голос у незнакомки был странный: хриплый, каркающий, с каким-то скрежещущим призвуком.

– Хотела попросить у вас огоньку, но, вижу, сегодня не

мой день.

Квин смущенно рассмеялась:

– Сейчас, дайте ей еще минуту!

– Что? О ком это вы?

– О Мэрилин. – Квин подняла зажигалку и показала незнакомке рисунок. – Дайте ей минутку, и она разожжет в вас огонь! Так говорил папа. И подмигивал. А мама пихала его в бок и отвечала: «Уильям Томас Карвер, следи за языком!» – Болтая, Квин отчаянно щелкала зажигалкой. – Когда мама сердилась на папу, всегда называла его полным именем. А ему это даже нравилось – и она знала, что ему нравится, так что... о-о... м-м-м... – Наконец ей удалось высечь огонь; Квин запалила сигарету, сделала долгую благодарную затяжку. – Ну вот, видите? Мне кажется, если начать о нем рассказывать, это помогает. Понимаю, звучит глупо, но... – Она пожала плечами.

– Все самые правдивые истины поначалу звучат безумно, – все так же хрипло ответила незнакомка.

– Да, верно... – Квин взгляделась в темный силуэт, а затем протянула зажигалку: – Держите. Удачи вам.

– Если вы мне поможете...

Женщина протянула руку. В этот миг фонари снова качнулись, и Квин увидела, что рука у нее искалечена. Кисти не было, закругленную культю прикрывало переплетение черных кожаных постромок, крепящихся к широкому браслету с тремя серебряными застежками. Выглядело элегантно и

очень сложно: Квин подумалось вдруг, что таких браслетов с постромками у нее должно быть много, на разные случаи.

– Конечно, – сказала Квин.

Женщина сунула меж губ сигарету. Квин поднесла зажигалку. На этот раз огонь вспыхнул с первого щелчка, и женщина одним мощным вдохом втянула в себя полсигареты сразу.

На Квин это произвело впечатление.

Незнакомка была ниже ее на голову; в свете зажигалки Квин разглядела, что она немолода, с азиатскими чертами лица. Обратила внимание и на ее сигарету в бело-голубую полоску.

– Откуда у вас такие? – спросила Квин, закрыв зажигалку.

– Это «Ноксборо». Местный бренд, оттуда, где я живу.

– А где вы живете?

Незнакомка сделала еще одну долгую затяжку, выпустила клуб дыма и ответила так, словно произнесла волшебное слово:

– В Эдемвиле.

Квин склонила голову набок:

– И где это?

– На севере. Отсюда часа три езды.

– Я из Леден-Холлоу, – сообщила Квин, не совсем понимая, что еще тут добавить.

– О, «Вперед, Вороны!» – откликнулась незнакомка.

Квин заморгала, затем, вспомнив, что на ней худи, взгля-

нула себе на грудь.

– А, ну да. «Вперед, Вороны!»

– Я слышала, очень приличный город.

– Тоска зеленая, – сказала Квин.

Заняться в Леден-Холлоу было решительно нечем, и неудивительно, что «Детская шекспировская труппа» привлекала множество детей – в том числе десятилетнюю Селесту Бартон, которая потащила с собой на прослушивание и Квин. Так, вопреки собственному желанию, Квин познала вкус театра – в очень юном возрасте, в старом амбаре за городской чертой, где они играли каждое лето. И сейчас, стоило об этом вспомнить, вновь ощущала влажную августовскую жару, напоенную стрекотом сверчков и комариным зудом, вновь чувствовала на себе тяжелую плотную блузу и панталоны, липнущие к ногам.

Панталоны Квин носила в «Как вам это понравится». Одевалась за кулисами вместе с Селестой... При этом воспоминании ей вдруг стало очень одиноко.

– Кто вам обычно зажигает сигареты? – спросила она, снова сунув руки в карман-муфту на животе. – Я хочу сказать, там, в Эдемвиле.

– Там у меня есть специальное приспособление, – ответила незнакомка. – На письменном столе.

– А зачем вы приехали в Бруклин?

– На литературный вечер, – ответила незнакомка так, словно это было очевидно.

Затянулась в последний раз, раздавила окурок каблуком.

– Ладно, мне пора. – Она пошла мимо Квин к дверям. –

Приятно было с вами поболтать, спасибо. Идете?

Квин не докурила свой «Кэмел» и до половины.

– Я... попозже подойду. Выпивка за мной.

Незнакомка с улыбкой кивнула и скрылась внутри.

«Выпивка за мной». Зачем она это предложила? И почему с такой легкостью едва не отдала папину зажигалку женщине, которую совсем не знает?

Квин крепче сжала в кармане зажигалку, радуясь, что Мэрилин по-прежнему с ней.

Давненько она не встречала настолько необычного человека! Однако за предыдущие двадцать шесть лет жизни Квин прочно усвоила: необычные люди бывают очень, очень опасны.

Глава третья

Сидни Ким

– Что ж, всем привет! Рада, что вы здесь! – Ведущая (ее имя Квин не желала запоминать), балансируя на высоком шатком табурете, поправила микрофон, широко улыбнулась слушателям и прочитала с экрана телефона: – Добро пожаловать на литературные чтения в баре «Красный двор», которые мы проводим уже шесть лет!

В зале захлопали. Кто-то крикнул: «Йу-ху-у!»

– Здесь, в «Красном дворе», – продолжала ведущая, – мы приветствуем мрачные истории всех жанров и направлений, от кровавого фэнтези до самого извращенного хоррора! Истории повеселее мы, конечно, тоже любим, но... не так сильно.

В зале засмеялись. Послышалось чье-то: «Аминь!»

– Давайте начнем с традиционной благодарности нашему зловещему духу-покровителю, Флоренс Рутье. Флоренс, спасибо, что позволила нам сегодня здесь собраться! Надеюсь, наши истории тебе понравятся.

– Спасибо, Фло! – И все со стаканами в руках повернулись к фотографии, откуда на них хмуро смотрела Флоренс.

Квин метнула взгляд в сторону Кэма. Он щипал себя за бороду и поправлял мизинцем очки. Нервничает. Быть может, ему не по душе общество призрачной дамы, убивавшей

мужчин. Другую причину Квин хорошо знала: Кэм терпеть не может вечера, когда не читает сам. Цитата: «Сидишь, как дурак, делаешь вид, что слушаешь, стараешься выхватить и запомнить какую-нибудь деталь, чтобы потом за нее похвалить. Вот что убивает на этих чтениях: все друг друга хвалят! Нельзя сказать: “Ну и чушь ты написал!” – даже если это так и есть». Так он ворчал, смоля очередной косячок.

– А когда ты ходил на мои спектакли, было так же? – спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.